

Первый парень на деревне

Джаз и судьба Игоря Бутмана

Сергей Шаповал

Даже недоброжелатели не станут спорить, что Игорь Бутман – фигура на нашем джазовом небосклоне необычная. Завоевав к началу 80-х признание в стране, в 1987 г. он эмигрирует в США, где делает невероятную для пришлового музыканта карьеру: его приглашали играть Дэйв Брубек, Чик Кория, Гровер Вашингтон, Джо Ловано и другие столпы джаза. В 1992 г. он возвращается в Россию, и снова

– Потому что саксофон мощнее кларнета по громкости, он несравнимо более разнообразен с точки зрения тембрального диапазона. Поэтому саксофон способен передать самые высокие и самые низкие интонации. Этот инструмент соответствует моему характеру и темпераменту.

– Какой именно саксофон вы любите больше всего?

– Тенор. Я играл и на альт-, и на сопрано-саксофоне, но тенор, с моей точки зрения, универсальнее. Высокий тембр надоедает, хотя он позволяет играть спе-

Игорь Бутман: «Саксофон – тот инструмент, который соответствует моему характеру».

Независимая – 1992 – 16 авг. – с. 8.

– Таких музыкантов немного. С моей точки зрения, это Чарли Паркер, Джон Колтрейн, Сонни Роллинз, Стэн Гетц. Это мастера, которые определили звучание саксофона.

– Мир джаза велик и разнообразен, какое направление близко вам?

– Современный мэйнстрим. Авангард мне нравится меньше, в нем меня задевают лишь отдельные вещи. Нынешний мэйнстрим огромен, он уже вообрал в себя то, что еще недавно считалось невероятно авангардным.

– Кого вы считаете безусловным гением саксофона?

– К современному джазу: сколько можно плавать в этом самом мэйнстриме, который вбирает в себя все что угодно?

– Пусть эти критики возьмут инструмент и сыграют что-нибудь интересное! Критикам во всем мире всегда хочется чего-нибудь нового, хочется движения вперед. Я тоже хочу, но есть суровая правда жизни. И потом, джаз не высказал всего, что он может сказать. За свою столетнюю историю джаз развивался очень бурно, хочется вернуться ко многим забытым вещам, восстановить их. Это музыка для людей, а ведь люди ходят на кон-

церты, и это самый главный показатель! Другое дело, что в мэйнстриме действительно мало оригинальности. Поиски новизны – огромная проблема. Сейчас хоть саксофоном себя по голове бей – окажется, что это уже было.

– О проблеме мастерства саксофонистов. Один человек, торговавший джазовой музыкой на Горбушке, на сей счет высказался радикально: белый саксофонист – это все равно что белый баскетболист. Что вы скажете?

– Прежде всего – что ваш продавец дурак! Была в Штатах баскетбольная команда «Бостон

Фото Артема Житенева (НГ-фото)

Селтикс», состоявшая из белых игроков, так вот, они долгое время были чемпионами НБА. Ирония насчет белых саксофонистов – это тоже бред. Сейчас на саксофоне никто не играет лучше Майкла Брекера. Подобные разговоры – обычные расистские штучки. Я готов поспорить на миллион долларов, что такой «знаток» никогда по игре не отличит белого музыканта от черного. Я делал такие эксперименты: Майлза Дэвиса признали белым исполнителем, а Геннадия Гольштейна – черным. Причем я проверял музыкантов, а не како-то балбеса с Горбушки.

– Когда вы приехали в Америку и начали играть с местными музыкантами, у вас не было ощущения, что вы подмастерье?

– Нет. У меня были наполеоновские планы завоевания Америки, но я знал, что мне многому надо научиться. В конце концов у меня было много работы, я играл со многими ведущими музыкантами.

– Оттуда вы уезжали с ощущением, что завоевание состоялось?

– Я завоевал ее не до конца, но еще не вечер. В Россию меня привело стечение обстоятельств: у меня была гринкарта, а моей жене не дали американской визы. Мы приехали в Москву, здесь все пошло неожиданно хорошо, я оказался востребованным. Сейчас возвращаться в Америку просто нет смысла, я очень активно работаю. У меня есть ангажементы и в Америке, и в Израиле, и в Австралии, и в Италии. Мое возвращение случайно, но, наверное, в нем есть некий знак судьбы. Я ни о чем не жалею.

– Могли бы сформулировать главные уроки, которые преподала вам Америка?

– Мне очень понравились взаимоотношения между музыкантами: при жесточайшей конкуренции они всегда друг друга хвалят. У нас часто говорят о фальшивых американских улыбках. Я считаю, что лучше фальшиво улыбаться, чем нефальшиво бить морды. Дежурность улыбок и похвал там, конечно, существует. Я участвовал в одном выступлении, после него один маститый музыкант меня похвалил, моей гордости не было предела, но потом я услышал, как он говорил практически те же слова, что

и мне, саксофонисту, который просто не умел играть. Но это вовсе не означает, что любая халтура пройдет. Однажды я получил очень престижное предложение и пришел на концерт не подготовившись, мы расстались с улыбками, но больше меня не звали. Просто так успех в Америке не достается.

– Думаю, вам известно, что ваше возвращение в Россию некоторыми людьми объяснялось примерно так: лучше быть первым парнем на деревне, чем «одним из» в городе. В этом есть доля истины?

– Конечно. Но я не собирался уезжать из Америки, здесь у меня даже квартиры не было. Я полюбил русскую девушку, мы поженились и собирались жить в Нью-Йорке. Судьба распорядилась так, что мы должны были приехать сюда. В результате я стал первым парнем на деревне, но я же этого не планировал. Поначалу у меня не было никаких сногшибательных выступлений: я играл в баре, участвовал в каких-то презентациях. Потом меня позвали на фестиваль, потом я привез американских музыкантов – все получилось само собой.

– Что вы слушаете помимо джаза?

– У меня есть потребность в классической музыке.

– Вы можете какое-то время вообще не слушать музыку?

– Я не могу ее не слушать. Это ни с чем не сравнимое удовольствие. Жизнь, как и кино, невозможна без музыки. Она усиливает переживания. Я иду по улице, вокруг машины, шум, а в наушниках у меня звучит музыка – и как будто солнца больше. Это такой кайф, что хочется дать другим послушать... ■

Джаз еще не высказал всего, что он может сказать

все для него складывается неожиданно благоприятно: кроме удачной концертной деятельности, Бутман отметился на самом высоком уровне, сыграв в 1995 г. для президентов Ельцина и Клинтона, а в 2000-м – для Путина и Клинтона. Вот это джаз!

– Игорь, могли бы вы охарактеризовать саксофон как инструмент? Что он для вас значит?

– Это тот инструмент, который способен в полном объеме передать мои эмоции и переживания. С его помощью я могу выразить все.

– Почему именно саксофон, а не, скажем, кларнет?

цифические мелодии и добиваться особого эффекта.

– А что для вас главное в джазе?

– Эта музыка при огромном количестве занятий, знания музыкальной теории дает свободу в выборе нот, которые ты играешь, позволяет импровизировать. В классической музыке существуют ограничения с точки зрения выбора нот, а джаз раздвигает границы. Мы в жизни ограничены временем и обстоятельствами, но мы пытаемся импровизировать, позволяем себе неожиданные поступки. Джаз – это музыкальная копия жизни, в нем ты добьешься успеха, если у тебя есть напор и склонность к импровизации.

– Кого вы считаете безусловным гением саксофона?